

Анатолий Контуш

Голоса

Оказывается, мир может быть длинным и узким, с матерчатыми стенами по бокам.

В таком мире небо сделано из некрашеного дерева и нависает прямо над головой. Поэтому тут довольно тесно – не так, как в кровати под одеялом, но все-таки, и мы с трудом помещаемся на гладком полу. Наташка обычно пролезает вперед, как положено хозяйке, а мы с Валеркой на четвереньках ползем за ней, стараясь не зацепиться за чью-то ногу.

Кроме нас в этом мире живут одни только голоса.

– Ну, теперь за именинницу! Изабелла Ивановна, дорогая вы наша, будьте здоровы!..

Это дядя Валя. Он работает токарем на судоремонтном заводе и может сделать все из ничего, как говорит папа. Я несколько раз пытался себе представить, как это происходит, и понял, что дядя Валя – волшебник.

– У нас в Середине Буде маслят не очень много, зато подберезовиков и подосиновиков – сколько унесешь! Вот будет лето, может, я опять соберусь.

Это дедушка. Рассказывает про свою родину – село Середина Буда в глухих брянских лесах.

– Да, так после войны я в первый раз поехал туда в пятьдесят втором. Взял неделю отпуска, остановился у Вани, и вот на третий день будит меня ночью сосед – Арсений, помощи, жене плохо! Я бегом туда, а его жена и правда еле жива: глаза закрыты, лицо красное, руки дрожат, как при гипертоническом кризе. Я его спрашиваю, какие у нее болезни, – он говорит, никаких, одно только давление, но это разве болезнь. Значит, и в самом деле криз,

а у меня ни препаратов, ни инструментов, и двадцать километров до ближайшего врача. Лекарства какие-то у тебя есть, спрашиваю, – есть, как не быть, говорит, и приносит коробочку. Я открываю, а там довоенная зеленка, шприц и бутылочка с прозрачной жидкостью. Ладно, говорю, иди на кухню, положи шприц в кастрюлю, залей водой и прокипяти. Он уходит, я открываю бутылочку, нюхаю – водка! Проходит пять минут, он приходит со шприцем, а жене его уже совсем плохо, лежит без сознания. Что тут делать... беру я шприц, набираю два кубика водки, нахожу локтевую вену и медленно ввожу всю дозу. Хозяин как это увидел, весь побледнел, бутылочку со стола схватил и остаток, грамм сто, залпом выпил. Прошло минут десять, я шприц прокипятил, вернулся в комнату, смотрю – а хозяйка сидит на кровати, лицо у нее уже не красное, а скорее бледное и даже веселое какое-то, и говорит хозяину – ты эттто заччем меня напоииииииил. А хозяин, тоже очень повеселевший, отвечает – это не я, это доктор, он тебе такой укол сделал, но ты не волнуйся, он тебе сейчас тем же путем закуску дошлет...

Грохот над головой.

– Холодец!..

– Оооооооооо!..

Стук тарелок, звон вилок – и тишина. Несколько секунд ничего не слышно, кроме сопения, пережевывания и глотания.

– А «Пищевик» таки выиграл у ОДО, кто бы мог подумать! Боюсь, что теперь они уже точно в следующем году пойдут назад в класс «Б»...

Это дядя Игорь, Валеркин папа. Он болеет за футбол и иногда ходит на стадион в парк Шевченко.

– Да, так когда я служил в Чите, там было такое грандиозное дело о сейсмоустойчивости, о нем даже по радио говорили – может, слышали...

Это дядя Вася. Он майор стройбата и ходит на работу в армию. Взрослые почти всегда говорят о непонятном.

Мы ложимся на спины и слушаем.

Рыжие половицы под нами составляют прочную основу нашего мироздания.

– Тогда в Забайкалье почти везде уровень сейсмоустойчивости был «семь», и строить надо было соответственно. Так где-то в ми-

нистерстве кто-то незаметно переделал «семь» на «девять», что повышает расход стройматериалов на семьдесят процентов. Материалы стали выделять под «девять», а строить продолжили под «семь», – все гениальное просто! Пока сообразили, что к чему, прошло года два, не меньше, и когда из Москвы наконец прислали комиссию с проверкой, перерасход составил триста миллионов! Естественно, в старых рублях, но все равно – цифра. Бросились искать, как и где, а никаких концов: те уволились, эти умерли, а основной подозреваемый во время командировки в Чехословакию спрятался в американском посольстве. Все это происходило уже при Хрущеве, поэтому всего только и посадили двух штабистов за преступную халатность, и тем дело кончилось. Но самое интересное не это. Через месяц после того как уехала комиссия, произошло такое землетрясение, что уровень сейсмоустойчивости на самом деле пришлось поменять с «семь» на «девять». После чего штабисты подали в Верховный суд апелляцию, и их оправдали!..

Снова грохот, еще сильнее прежнего.

– Татар-бюрак!..

– Ууууууууу!..

Стук тарелок, звон вилок – и опять тишина. Несколько секунд ничего не слышно, кроме сопения, пережевывания и глотания.

– А вы знаете, что если проползти под всем столом в другую комнату, то оттуда есть ход в подвал, а потом – в катакомбы? – спрашивает Валерка.

Мы проползаем немного вперед и останавливаемся, упершись в гладкую матерчатую стену.

– Я дальше не полезу, – говорит Наташка. – А вдруг там и правда подвал?

Жар от печи, которая стоит в этом конце комнаты, чувствуется даже сквозь плотную ткань, и мы устраиваемся рядом, сворачиваемся калачиком и закрываем глаза.

Голоса тут же окружают нас со всех сторон.

– Белла, что ты стесняешься? Положи детям красную икру, а то они скоро забудут, как она выглядит...

Это дядя Маноля, Наташкин дедушка. Он работает кондитером в «Лондонском» – лучшем одесском ресторане. Может быть, поэтому дядя Маноля большой, высокий и широкий.

– А мне что, жалко? Пусть кушают. Я всегда думала, что икра – это хорошо для сердца, но теперь вижу, что и для памяти...

Это тетя Белла. Дядя Маноля – ее муж, а Наташка и Валерка – внуки, но бабушкой ее пока еще никто не называет.

– Вот вы смеетесь, а когда в сорок втором румыны делали облавы на мужчин, нам было не так смешно. Маноля только пришел на работу, а тут как раз началась облава на бульваре. Так он спрятался в кладовке и послал официантку домой сказать, где он. Я как за это узнала, взяла свое самое большое платье, шляпу, боножки и лифчик, быстро побежала в «Лондонский» и таки нашла Манолю в кладовке. Правда, не в обычной, а в рыбной, и он, хоть и сильно волновался, но все равно сидел и кушал бутерброд с лососем. Значит, он увидел меня, докушал бутерброд, переоделся, подождал, пока стемнеет, потихоньку вышел с ресторана, спокойно перешел через Сабанеев мост и почти уже пришел домой, так на Торговой угол Херсонской к нему прицепился какой-то пьяный румын! Ему так понравились Манолины формы, что он шел за ним два квартала, повторял «Фрумусете, фрумусете» – порумынски «красавица» – и совал деньги. Бедный Маноля еле убежал от него через проходной двор на Нежинской, но когда наконец добрался домой и переоделся, из его – то есть моего – лифчика выпали сто лей!.. Неплохие для того времени деньги, на которые можно было купить кило сахара...

– А я предлагаю выпить за папу с мамой, царство им небесное...

Это бабушка. Ее папа и мама, дедушка Ваня и бабушка Маруся, умерли, когда мы были маленькими, и я их почти не помню.

– Да, Людя, за папу с мамой.

Это тетя Эмма. Дедушка Ваня и бабушка Маруся были папой и мамой не только бабушки, но и тети Эммы с тетей Беллой – они все сестры.

Снова грохот, такой сильный, что мы бросаемся на пол и закрываем глаза.

– Петя, Петя, господи, что с тобой?! Что ты так разволновался?! Игорь, Вася, поднимите его из салата!

– Аааааааааа!..

Грохот стульев, шум ног, сопение, шуршание и топтание.

– Смотрите, там что-то написано! – вдруг говорит Наташка.
Мы смотрим: правда, прямо над нашими головами на досках видны какие-то буквы.

Из нас троих читать умею пока только я.

– Г... р... гр... о... гро... – складываю я буквы.

– Что? Ну, что там? – торопит меня Валерка.

– Гро... м... Гром! – наконец выдыхаю я.

– Гром? – удивляется Наташка. – А дальше?

– Т... у... ту... – продолжаю я. – Ч... а... ча... Туча! Гром! Туча!

– Ай! – кричит Наташка. – Мама! Мама!

И хватается за ближайшую к ней ногу.

– Это что тут такое? – появляется под столом голова дяди Вали.

– Тут... вот... написано! – выкрикивает Наташка.

– И что же тут написано? – спрашивает голова.

– Гром! Туча! Туча! Гром! – кричим мы наперебой.

– Сейчас посмотрим, – говорит голова, и появившаяся рядом с нами рука щелкает зажигалкой. – Так... Гром, значит... Гром.. ко... Ту... Сту... чать... Громко стучать, вот что здесь написано! Это де-душка Ваня, когда входную дверь менял, из старой двери стол сделал, за пару лет перед войной. Я это помню, я тогда в детский сад ходил, вот как вы сейчас...

И голова исчезает, подмигнув на прощание.

– А ты – гром! – говорит мне Валерка. – Читать научись!

И мы снова устраиваемся рядом с печкой.

– Вы представляете, у нас вчера опять выключили свет! Хорошо, что у мамы есть керосиновая лампа еще с войны.

Это тетя Эльза, мама Наташки. Тетя Эльза – бухгалтер, и считает в уме быстрее, чем моя мама, которая преподает высшую математику.

– А у нас в общежитии на Островидова свет после войны выключали вообще каждый день!

Это папа. Он приехал в Одессу учиться в университете и сначала жил в общежитии.

– Что интересно, ни в одной комнате не было розеток, чтоб не включали кипятильники, – боялись пожара. Так мы брали на факультете провода и подключали кипятильник к лампочке под потолком. Удлинителей тогда не было, так что приходилось ставить

табуретку на табуретку, а на самый верх, прямо под лампочкой, – кастрюльку с водой. В которую мы часто клали картошку или там яйца, чтобы сварить в кипятке. И вот один раз только мы положили в кастрюльку яйца, собрали всю эту пирамиду и поставили кастрюльку наверх, как выключили свет. А в комнате нас тогда жило много, человек шесть. Мы очень осторожно, чтобы все это не свернуть, расселись по сторонам и стали ждать. Прошло минут десять, свет, наконец, включили – пирамида стоит. Мы полезли наверх, сняли кастрюльку – и что бы вы думали? Яиц в ней не было!..

Наконец родителям удается вытащить нас из-под стола кушать сладкое. Мы с аппетитом едим шоколадный торт, запивая его сладким горячим чаем. Бабушки разливают чай по блюдечкам и терпеливо дуют на него, разговаривая о чем-то своем, но мы уже не слушаем, о чем.

Мы устали. Нам хочется спать.

Все начинают собираться.

Мы выходим в коридор, где ворохом сложены пальто, шубы и шапки.

Мама обувают нас, одевают и ведут домой.

Февраль. Мы идем в темноте по пустынным заледеневшим улицам.

На небе, сколько мы ни вглядываемся, нет ни слова о том, что нужно громко стучать.

Мы останавливаемся на углу Франца Меринга, прощаемся – Валерке с папой и мамой теперь вниз, а нам направо, – и через пятнадцать минут я уже лежу в своей постели.

Дома тепло, в печке светятся раскаленные угольки; мама садится рядом, чтобы рассказать сказку. Я закрываю глаза, но не могу уснуть: папа, дядя Вася и дедушка без перерыва говорят про Островидова, Читу и Середину Буду прямо у меня в голове. Тогда я открываю глаза и спрашиваю:

– Мама, а почему так – все давно ушли, а голоса остались до сих пор?

Флорианополис – Кампинас – Париж